

Сравнительный анализ повести Дж. Конрада “Тайфун” и рассказа А. Сент-Экзюпери “Пилот и стихии”

Рассказ “Пилот и стихии” является дополнительной главой для книги “Планиета людей”, первое издание которой вышло в 1839 г. “Пилот и стихии” был включен в книгу в этом же году в издании вышедшем на английском языке.

Текст начинается с прямого обращения к Конраду: “Рассказывая о тайфуне, Конрад лишь мимоходом говорит про огромные валы, мрак и ураган. Этот материал его не интересует. Но вот трюм, набитый китайцами-эмигрантами: качка разметала их пожитки, разбила сундучки, перемешала их жалкие сокровища. Золото, которое они всю жизнь собирали по крупице, безделушки, у всех одинаковые, но у каждого свои, - все смешалось в беспорядке, обезличилось, возвратилось к первобытному хаосу. Из всего, что связано с тайфуном, Конрад показывает нам только трагедию людей.” Конечно, нельзя полностью согласиться с этой точкой зрения, поскольку описания морской стихии у Конрада отнюдь не столь малочисленны и порой занимают довольно значительное место в структуре текста, подчас вытесняя изображение “трагедии людей”. Однако для Экзюпери осмысление Конрада как мастера изображения людской психологии оказывается принципиально важным именно в этом рассказе.

Итак, по сравнению с “Тайфуном” Конрада мы можем наметить следующий ряд параллелей:

Схожесть ситуаций, в которой оказывается главный герой. В случае Конрада мы имеем корабль “Нянь-Шань” попавший во власть тайфуна, в случае Экзюпери – самолет, оказавшийся в центра циклона. Различным в данном отношении оказывается лишь количество действующих лиц в текстах: у Конрада речь идет о целой судовой команде, Экзюпери же повествует лишь о единственном человеке – летчике, который управляет своей машиной. Возможно, что эта разница не случайна: выбор единственного объекта внимания у французского автора позволяет ему более детально изображать психологические процессы в его

сознании, сосредоточить свое внимание именно на переживаниях и эмоциях *человека*;

Родство описаний стихийных явлений. Несмотря на невнимательность Экзюпери по отношению к описательным моментам повести Конрада, мы можем найти некоторые общие черты между анализируемыми текстами. Вот как главный герой у Экзюпери описывает временной промежуток перед началом циклона: Небо было голубым. Чисто голубым. Даже чересчур голубым. Беспощадное солнце блистало на истертой земле, вспыхивая порою на гребнях гор, отскобленных до костяка. Ни облачка. Но к этой чистой голубизне примешивался необычайно сильный отсвет наточенного ножа.” У Конрада читаем: “Заход солнца угрожающий. На северо-востоке низкая гряда облаков. Небо ясное.” Очевидно, что в обоих случаях внимание сосредоточено на солнце, которое характеризуется как “беспощадное” и “угрожающее” соответственное и небу, которое чисто и ясно. Принципиальным же отличием в данном случае будет являться отношение персонажей к установившейся погоде. Процитированный фрагмент из Конрада является записью капитана Мак-Вира в судовом журнале. Капитан в этом случае не идет далее констатации факта, не рефлексировать по этому поводу. Герой Экзюпери, напротив, сразу выражает свое отношение: “Но в тот день мне не понравился цвет неба.” И далее: “Сразу же я ощутил смутное отвращение - предвестье физической пытки. Сама эта чистота неба уже смущала меня.” Таким образом, в описаниях буйства стихии Экзюпери можно назвать более психологичным, ибо он обращается непосредственно к восприятию природных явлений своим героем.

Идентичные пространственные отношения в тексте. Во время циклона или тайфуна пространство обоих произведений как бы сужается и в то же время расширяется: самолет или корабль теряют всякую ориентацию в пространстве, сама машина может быть уподоблена мельчайшей точке, но точка эта одновременно находится в пространстве почти необозримом. Свои ощущения летчик описывает так: “Горизонт... Горизонта, впрочем, как не бывало. Я словно заблудился за кулисами театра, где навалены декорации. Вертикали, косые, гори-

зонтали - все перепуталось.” Капитан Мак-Вир так ведет себя во время тайфуна: “Он впился глазами во тьму, пытаясь что-нибудь в ней разглядеть <...> Он хотел, чтобы положение изменилось, и ждал, неподвижный, чувствуя себя беспомощным слепцом.” Что касается временных отношений, то они также могут быть оценены как сходные: Конрад дает нам некоторые указания на смену времен суток и один раз даже точное время: половина первого. Пилот у Экзюпери также вполне ориентируется во временном континууме: его рассказ сопровождается постоянными отсылками к временным промежуткам, которые занимают у него основные действия по управлению машиной.

Главнейшее сходство и главнейшее различие заключается в изображении личности героя в экстремальных условиях. У Конрада мы имеем капитана Мак-Вира – человека недалекого, которого вся команда воспринимает как старичка неспособного на серьезные поступки. Как считает К. Хьюитт, “...уважение автора на стороне тех, кто проявляет стойкость и мужественно делает свое дело. Однако слишком тонкая черта отделяет этих стойков, обладающих “воображением ровно настолько, чтобы пережить очередной день, и не более того”, от натур либо нравственно ограниченных и лишенных воображения, либо безумцев, чье восприятие слишком односторонне”.¹ У Экзюпери главный герой, наоборот, личность непростая: он склонен к рефлексии. Неслучайно автор выбирает обрамляющую форму повествования: прошло некоторое время, а летчик до сих пор помнит и анализирует произошедшее, более того – считает нужным изложить свою историю на бумаге, хотя и заявляет, что сам не очень-то понимает, зачем он это делает: “... приступая к рассказу о возмущении стихий, я не уверен, что эта трагедия скажет что-либо читателю.” Он заранее уверен в том, что “Попытка передать ужас безуспешна потому, что этот ужас придуман потом, пережит в воспоминании. В минуту опасности ужас не возникает.” Действительно, в минуту опасности ужас не возникал и у героев Конрада, но у них он не возникал и после опасности. Герой французского автора, напротив, прекрас-

¹ Хьюитт К. Джозеф Конрад: проблема двойственности // Иностранная литература. – М. – 2000. – № 7 (<http://www.philology.ru/literature3/hewitt-00.htm>).

но понимает невозможность передать словами все то, что он испытал во время циклона. Как и Конрад, Экзюпери не заостряет нашего внимания на каких-либо детальных описаниях психологических переживаний героев в момент опасности, но показательна ситуация, когда летчик перестает чувствовать свои руки: “Вот так открытие: у меня чужие руки! Смотрю на них, шевелю пальцем - он слушается. Разглядываю другие. Так и есть: я не владею руками. Не получаю сигналов от пальцев. Как я узнаю, если они сами по себе разожмутся? Кидаю быстрый взгляд: нет, они сжаты по-прежнему, но я уже струхнул. Как же мне теперь, когда мозг и рука не обмениваются сигналами, отличить образ разжигающейся руки от желания ее разжать? Как распознать, где образ и где волевой акт?” В этом случае автор обращает читателя непосредственно к мыслительной деятельности пилота, внешнее действие (кружение самолета в вихре циклона) переходит во внутреннее. Сам же факт неконтролируемости тела свидетельствует об огромном напряжении летчика, которые сам пока что не осознает этого. Таким образом, можно сказать, что Экзюпери, как и Конрад, большое внимание уделяет внешним описаниям, однако в его случае эти описания почти всегда даются от лица самого главного героя: если у Конрада зачастую господствует повествование от 3-го лица, то рассказ “Пилот и стихии” весь идет от 1-го лица.

Следовательно, основную суть переосмысления Конрада Экзюпери можно свести к заключительным строкам “Пилота и стихий”: “Физическая трагедия волнует нас лишь тогда, когда нам открывают ее духовный смысл.” Духовный смысл циклона открылся для героя, но он до сих пор не уверен, сможет ли он достоверно передать его нам. Конечно, Конрад раскрывает отнюдь не только “физическую трагедию”, но особенность его восприятия Экзюпери заключается в обостренном внимании к психологическим элементам, которые французский автор прорабатывает несравненно более детально, нежели английский.